

6.3. О неразрывной связи личности участника и общества на примере правоприменительной практики о привлечении к субсидиарной ответственности детей контролирующих лиц должника

DOI: 10.33693/2541-8025-2021-17-1-135-139

©Шапсугова М. Д.
Институт государства и права РАН, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: shapsugova@gmail.com

Аннотация. Цель исследования. В банкротных процессах по привлечению контролирующего лица должника все чаще вовлекаются не только сами эти лица, но и члены их семей. Причиной тому можно назвать конфликт интересов семьи и кредиторов. Развитие банкротного законодательства приводит к сокращению возможностей сохранения имущества членов семьи от взыскания по обязательствам контролирующего лица должника. Одним из таких способов до последнего времени выступало отчуждение имущества в пользу несовершеннолетнего, что, несомненно, приводило к нарушению интересов кредиторов. Необходимость защиты интересов кредиторов вызывало к жизни новые специфические формы правотворчества высших судебных инстанций, в частности, привлечения к ответственности детей контролирующего должника лица. Такое решение представляется спорным. Причиной тому мы видим исчерпание теории самостоятельной правосубъектности юридического лица и отсутствие теоретического обоснования осуществления предпринимательской деятельности граждан в форме участия (членства) в юридическом лице. Учитывая изложенное в статье поставлена цель выявления источников правовой неопределенности в вопросе привлечения детей контролирующего должника лица к ответственности в рамках процедур банкротства. Для достижения поставленной цели исследования в статье анализируется судебная практика по делам о привлечении членов семьи контролирующего должника лица, в том числе детей как контролирующих выгодоприобретателей, к субсидиарной ответственности по обязательствам общества сквозь призму добросовестности осуществления родительских прав и добросовестности несовершеннолетнего. **Выводы.** Предложено ввести в законодательство две презумпции: опровержимую презумпцию добросовестности родителя и неопровержимую презумпцию добросовестности ребенка как инструмента спасения несовершеннолетнего от гражданской смерти по вине родителей.

Ключевые слова: контролирующее лицо, добросовестность родителя, добросовестность несовершеннолетнего, право участия.

Для цитирования: Шапсугова М. Д. О неразрывной связи личности участника и общества на примере правоприменительной практики о привлечении к субсидиарной ответственности детей контролирующих лиц должника // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2021. Т. 17. № 1. С. 135-139. DOI: 10.33693/2541-8025-2021-17-1-135-139.

On the inextricable link between the personality of the participant and the society on the example of law enforcement practice on bringing the debtor's controlling persons to subsidiary liability

DOI: 10.33693/2541-8025-2021-17-1-135-139

©M. D. Shapsugova
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: shapsugova@gmail.com

Abstract. The purpose of the research. Bankruptcy proceedings increasingly involve not only controlling persons but also members of their families. The reason for this is the conflict of interests of the family and creditors. The development of bankruptcy legislation leads to a reduction in the possibilities of preserving the property of family members from collection under the obligations of the controlling person of the debtor. Until recently, one of these methods was the alienation of property in favor of a minor, which undoubtedly led to a violation of creditors' interests. The need to protect creditors' interests gave rise to new specific forms of lawmaking by the higher courts, in particular, bringing the children of the controlling debtor to responsibility. This decision seems to be controversial. This is the exhaustion of the theory of independent legal personality of a legal entity and the lack of a theoretical justification for the implementation of entrepreneurial activities of citizens in the form of participation (membership) in a legal entity. The article aims to identify sources of legal uncertainty in bringing the children of the controlling debtor to respond within bankruptcy procedures. The article analyzes the judicial practice in cases of bringing family members of a controlling debtor, including children, as controlling beneficiaries, to subsidiary liability for society's obligations through the prism of the conscientiousness of the exercise of parental rights and the conscientiousness of a minor. **Results.** It is pro-

posed to introduce into legislation two presumptions: a refutable presumption of the conscientiousness of a parent and an irrefutable presumption of a child's good faith as a tool to save a minor from civil death through the fault of the parents.

Keywords: controller, parent's good faith, minor's good faith, right to participate.

For citation: Shapsugova M. D. On the inextricable link between the personality of the participant and the society on the example of law enforcement practice on bringing the debtor's controlling persons to subsidiary liability // *Economic problems and legal practice*. 2021. Vol. 17. № 1. P. 135-139. (in Russ.) DOI: 10.33693/2541-8025-2021-17-1-135-139.

Исследуя право участия (членства) в юридическом лице как форму осуществления экономической деятельности гражданами можно проследить, как постепенно вырабатывались такие признаки юридического лица как самостоятельная имущественная ответственность, имущественная обособленность, создавая в теории и законодательстве самостоятельную юридическую личность.

Логика развития законодательства об имущественной обособленности и ограниченной ответственности участника раскрыта в диссертационном исследовании Д.Е. Быканова. По его мнению изначально появившаяся гораздо позднее имущественной обособленности модель ограниченной ответственности сопровождалась запретом участия компании в другом юридическом лице, запретом создавать компанию одного лица при сохранении правила «что имущество корпорации было вне зоны доступа кредиторов самого участника (из его семейных споров, личного банкротства)» [Быканов, 2018: 18-21]. Таким образом, и имущество компании было защищено от притязаний кредиторов участника, и имущество участника было защищено от притязаний кредиторов компании. Эти правила защищали инвесторов. Однако позднее все указанные ограничения были сняты законодательно, что дало почву различным злоупотреблениям со стороны участников. Свое развитие стали получать различные теории проникающей ответственности (субсидиарной ответственности, прокалывания корпоративной вуали, бенефициарной собственности), позволяющие установить связь участника с принятыми в ущерб компании и кредиторам решениями и, соответственно, привлечь его к ответственности.

На примере недавнего громкого дела попробуем всесторонне исследовать кризис теории юридической личности, причиной которого, по нашему мнению, стало ее обособление в доктрине от личности участника (члена), а выход видится в признании ее несамостоятельности как одной из форм осуществления экономической деятельности гражданами. Следует оговориться, что речь не идет о публичных компаниях, в которых состав участников многочисленен и имеет свойства обезличенности. Изложенное ниже справедливо относительно небольших по составу участников корпораций, в том числе семейного типа, компаний одного лица.

Так, определением 305-ЭС19-13326 по делу № А40-131425/2016 по которому в рамках банкротства общества с ограниченной ответственностью Федеральная налоговая служба (далее – ФНС) обратилась с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности детей контролирующего лица должника. Им была подарена часть имущества, которая, по мнению ФНС подлежала включению в конкурсную массу. В удовлетворении этих требований было отказано апелляционной и кассационной инстанциями, Верховный Суд РФ в части привлечения детей к субсидиарной ответственности направил спор на новое рассмотрение.

Определением Арбитражного Суда г. Москвы от 27.10.2020 по делу № А 40-131425/16-30-203Б после повторного рассмотрения дети были привлечены к субсидиарной ответственности

по обязательствам должника – общества подконтрольного родителям в сумме более 93 млн.руб.

Следует отметить, что исходя из материалов дела после подачи уполномоченным органом заявления о привлечении лиц, контролирующих должника к субсидиарной ответственности имущество, подаренное детям, было отчуждено третьим лицам. Таким образом, дети контролирующего лица, один из которых является несовершеннолетним стали обладателями многомиллионных долгов.

В указанном деле ФНС при повторном рассмотрении дела в качестве доводов приводила (по рекомендации ВС РФ) мнимость сделок дарения, однако соответствующие требования не заявлялись.

К правоотношениям родителей как контролирующих лиц должника суд применил нормы банкротного законодательства, а к правоотношениям детей контролирующего должника применил общие нормы о злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ) и общий порядок возмещения вреда (абз.2 п.1 ст. 1064 ГК РФ).

Еще одной особенностью данного дела стал его межотраслевой характер. Указанное правоотношение возникло на стыке банкротного, гражданского, семейного и финансового (налогового) права.

Несмотря на существующие различные подходы к пониманию имущественной ответственности контролирующих лиц при банкротстве (ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), можно считать устоявшимся на практике ее признание самостоятельной (основной) ответственностью контролирующего лица являющейся деликтной по своей природе [Абрамов, 2020: 81-90; Морхат, 2019: 68-79]. Но может ли быть привлечен к субсидиарной ответственности член семьи должника?

Так, например, долг наследодателя, возникший в результате привлечения его к субсидиарной ответственности входит в наследственную массу, следовательно может ставиться вопрос о привлечении наследников к субсидиарной ответственности в пределах наследственной массы (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.12.2019 N 303-ЭС19-15056 по делу N А04-7886/2016). Здесь речь идет о правопреемстве, но может ли вместе с выводимым из конкурсной массы имуществом к новому собственнику, если он несовершеннолетний, переходить субсидиарная ответственность? Для ответа на этот вопрос необходимо исследовать не только специальные нормы о субсидиарной ответственности в рамках банкротного законодательства, но и специальные нормы об ответственности несовершеннолетнего. В то же время, на самом глубинном уровне выстраивается не просто конфликт правовых норм, но и конфликт приоритетов (принципов) правового регулирования. Очевидным в данном деле представляется фискальный интерес государства, однако нельзя не обратить внимание на то, что в нем затрагивается другой не менее важный публичный интерес – защита семьи и интересов детей. Таким образом, интересным вопро-

сом является расстановка этих приоритетов в законодательстве и правоприменительной практике.

Еще один способ привлечения к ответственности по банкротному законодательству – привлечение контролирующего выгодоприобретателя (подп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве). Однако, отмечается, что к несовершеннолетним детям контролирующих лиц неприменима презумпция контролирующего выгодоприобретателя в силу объективных особенностей отношений несовершеннолетних детей и их родителей, которым обычно присущи стремление родителей оградить детей от негативной информации и повышенный уровень доверия детей к своим родителям [Карапетов, Матвиенко, Мороз, Сафонова, Фетисова, 2020: 45-58].

Поскольку, по мнению суда, недобросовестность участника по отношению к интересам общества и кредиторов в данном деле выразилась в оформлении имущества на своих детей, закономерно задать следующие вопросы: соответствует ли использование детей в выводе активов интересам самих детей? пострадали ли дети от действий законного представителя? не злоупотребили ли законные представители своими представительскими функциями? Можно ли с учетом ответов на эти вопросы поставить следующий – о добросовестности законных представителей.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОПОВЕРЖИМОЙ ПРЕЗУМПЦИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ

Подобные ситуации исследовались в научной литературе с позиции недобросовестности получателя имущества (несовершеннолетнего одаряемого). В противовес выработанной Верховным судом РФ позиции, Ю.В. Тай, С.Л. Будылин предлагают «очевидный прямой путь (то есть наиболее соответствующий букве закона) – привлечение директора к субсидиарной ответственности; если он не заплатит, инициирование его банкротства; реализация доступной части общей совместной собственности супругов в ходе банкротства директора; оспаривание договоров дарения детям в ходе банкротства директора. Плюс к этому – предъявление «обычного» деликтного иска жене-бухгалтеру; если она не заплатит, инициирование ее банкротства; обращение взыскания на доступную часть общей совместной собственности супругов в ходе банкротства жены; оспаривание договоров дарения детям в ходе банкротства жены» [Тай, Будылин, 2020: 4-22].

Такая линия защиты прав кредиторов, несомненно, представляется правильной, но долгой и малоэффективной с точки зрения возврата имущества в конкурсную массу.

Мы предлагаем рассмотреть данную ситуацию с ракурса принципа добросовестности родителей.

О незащищенности детей от злоупотреблений родителей и о том, что презумпция добросовестности родителей не должна носить абсолютный характер уже высказывались мнения в научной литературе [Цвиль, 2010: 32-37].

Таким образом, презумпция добросовестности родителей носит опровержимый характер, однако бремя доказывания недобросовестности лежит на лицах, о ней заявляющих. Это затрудняет защиту интересов несовершеннолетнего.

Поскольку способов сохранения семейного имущества от взыскания в процедурах банкротства становится все меньше, вопрос закрепления недобросовестности законного представителя при использовании правового статуса несовершеннолетнего для вывода имущества не утрачивает своей актуальности.

Попытки закрепления принципа добросовестности родителей предпринимаются регулярно. В Законопроекте № 989008-7 О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи (далее – законопроект о внесении изменений в Семейный кодекс РФ) также предлагается закрепить презумпцию добросовестности осуществления родителями родительских прав (п. 3 ст. 1, п. 1, 2 ст. 65 СК РФ в редакции законопроекта): действия родителей считаются добросовестными (соответствующими правам и интересам детей), пока их недобросовестность не будет установлена вступившим в законную силу судебным решением. Бремя доказывания недобросовестности родителя при осуществлении им родительских прав в отношении конкретного ребенка лежит на истце (п.3 ст. 1 и п. 6 ст. 65 СК РФ в редакции законопроекта).

По смыслу законопроекта добросовестным является соответствующее интересам детей поведение родителей.

Введение этого принципа позволяет пересмотреть всю существующую систему норм СК РФ, регулирующих привлечение родителей (иных лиц, на попечении которых находится ребенок) к семейно-правовой ответственности, применение иных принудительных мер к родителям (иным лицам, на попечении которых находятся дети). В действующем СК РФ нет норм о семейно-правовой ответственности. Отсутствие специальных норм приводит к применению общих норм ГК РФ об ответственности и презумпции виновности, закрепленной в ГК РФ. По действующему СК РФ родители должны доказывать свою невиновность.

Незакрепленная в законодательстве презумпция добросовестности родителей составляет часть российского национального культурного-правового кода. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 N 13-П закреплено, что забота о детях, их воспитание как обязанность родителей по смыслу ч. 2 ст. 38 Конституции РФ, а создание ребенку жизненного дискомфорта противоречит сущности родительских отношений, основывающихся на доверии ребенка к родителю. Именно поэтому законодатель исходит из презумпции добросовестности родителей.

Учитывая изложенное, разрешение конфликта приоритетов правового регулирования фискального интереса государства и интересов ребенка может быть осуществлено и путем применения презумпции добросовестности родителей.

На реализацию принципа добросовестности родителей и защиту имущественных интересов несовершеннолетнего направлено установление специального правового режима распоряжением имуществом несовершеннолетнего [Тарасова, 2008; Букшина, 2011: 82-85; Белозерцев, 2018: 184-187] (Определение Конституционного Суд РФ от 06.03.2003 N 119-О)

О ЗАКРЕПЛЕНИИ НЕОПОВЕРЖИМОЙ ПРЕЗУМПЦИИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ РЕБЕНКА

Итак, отношения родителей и детей строятся на принципах доверия и авторитета родителя, который как предполагается действует в интересах ребенка.

Исходя из приведенных правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом РФ, полагаем, ребенок как несовершеннолетний, находящийся под властью родителя, неспособный в полной мере осознавать значение своих действий и их последствий не может утратить статус добросовестного лица (правовая фикция), если он стал в некотором смысле жертвой недобросовестного поведения законного представи-

теля, действующего в обход закона, в том числе приобретаемого от него в дар имущество. И уж тем более ребенок не может нести ответственность за образование у него по этой причине многомиллионного долга.

Поэтому необходимо разрабатывать правовые модели, позволяющие не привлекать к ответственности детей за недобросовестное поведение родителей. Например, сделка может быть признана недействительной в силу злоупотребления полномочиями законного представителя [Невзгодина, 2010: 60-67; Сапрыкин, 2014: 28-31; Толмачева, 2010: 125-131]. В контексте ч. 1 ст. 170 ГК РФ о мнимых сделках можно ставить вопрос о цели такого договора дарения, его исполнении, реальности перехода прав [Батрова, 2019: 3-5; Захарова, 2017: 163-166; Бежецкий, 2013; Сергеев, Терещенко, 2015: 132-140].

Полагаем принцип приоритета интересов ребенка, получивший наибольшее развитие в семейном праве, является универсальным, межотраслевым.

Обращаясь к особенностям правового режима ответственности несовершеннолетнего, отметим следующее.

Законные представители в силу п. 3 ст. 28 ГК РФ несут имущественную ответственность по сделкам малолетнего, в том числе по сделкам, совершенным им самостоятельно, а также отвечают за вред, причиненный малолетними. Они могут также совершать от имени малолетних сделки по принятию недвижимого имущества в качестве дара, а также иные сделки с недвижимым имуществом с учетом положений статей 8.1 и 131 ГК РФ. Однако такая сделка, явно противоречащая интересам малолетнего ничтожна на основании п. 1 ст. 65 СК РФ, ст. 169 ГК РФ (п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Согласно п. 3 ст. 26 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут имущественную ответственность по совершенным сделкам, независимо от того требуют такие сделки согласия родителей или нет. В этом случае родители не будут обязаны гасить многомиллионный долг ребенка, возникший по их вине (при ее доказанности). Такая ситуация не может считаться справедливой.

Статьи 1073, 1074 ГК РФ регламентируют ответственность ребенка за причинение вреда. До четырнадцати лет такую ответственность несут родители. Их ответственность не прекращается с достижением ребенком совершеннолетия. После четырнадцати лет ответственность несут сами несовершеннолетние на общих основаниях, однако, в случае отсутствия у несовершеннолетнего дохода или имущества, позволяющего погасить обязательство, вред возмещается его родителями до достижения ребенком совершеннолетия. Применение норм о недобросовестности к детям от четырнадцати до восемнадцати лет, неспособным в силу возраста осознавать последствия своих действий не будет способствовать восстановлению прав кредиторов, поскольку в случае отсутствия у несовершеннолетнего дохода его родители все равно будут привлечены к субсидиарной ответственности, как если бы они непосредственно были привлечены к ответственности за недобросовестность при осуществлении полномочий законного представителя несовершеннолетнего. К малолетним применение норм о недобросовестности и вообще недопустимо, поскольку сделки от их имени совершают законные представители и они же несут по ним ответственность.

Необходимо обратить внимание на добросовестность ребенка. Полагаем ребенок до достижения возраста совершеннолетия не способен до конца осознавать последствия своих действий, а также противостоять влиянию старших. В связи с этим концепция добросовестности к несовершеннолетним не вполне применима. В то же время признание ребенка недобросовестным и взыскание с него вреда в суммах, превышающих стоимость его имущества и дохода, означает для него «гражданскую смерть» еще до начала взрослой жизни, особенно в случаях банкротства.

В связи с этим предлагаем закрепить в законе неопровержимую презумпцию добросовестности ребенка. Таким образом мы утверждаем, что ребенок априори не может быть недобросовестным.

ВЫВОДЫ

Анализ законодательства и судебной практики позволил нам сделать несколько выводов.

1. Участие является одной из форм осуществления экономической деятельности гражданами. Субсидиарная ответственность контролирующего лица должника свидетельствует о неразрывной связи участника и подконтрольного ему общества.
2. В конечном итоге привлечение к субсидиарной ответственности противоречит интересам детей, а приоритет интересов ребенка – основной принцип рассмотрения любых споров с их участием детей. Балансируя между интересами кредиторов, должника, налогового органа, суд не может пренебрегать интересами несовершеннолетних. Значит ли это что имущество не должно быть возвращено в конкурсную массу, а обязательства не погашены. Вовсе нет! Однако оно должно быть возвращено в нее способом, не нарушающим интересы детей.
3. Полагаем в таких случаях следует применять нормы о ничтожности сделки в связи с ее противоречием интересам ребенка на основании п. 1 ст. 65 СК РФ, ст. 169 ГК РФ
4. Еще одним средством защиты интересов ребенка является закрепление в законе устанавливающей пределы осуществления родительских прав опровержимой презумпции добросовестности законного представителя ребенка как предела осуществления прав законного представителя.
5. Необходимо защитить несовершеннолетнего неспособного осознавать в полной мере последствия своих действий и находящегося под властью законного представителя от гражданской смерти путем закрепления в законе неопровержимой презумпции добросовестности ребенка.
6. Необходимо исключить возможность пренебрежения суда принципом обоснованности судебного решения, путем его принятия исключительно из самого факта совершения сделки. О подобном подходе и угрозе формирования автономного судебного правопорядка мы уже писали [Шапсугова, 2019: 3-9]. Указанная проблема поднималась и в контексте проявления правового лицемерия как «формального отношения правоприменителя к закону, равно как и злоупотребления правами субъектами правового общения» [Ломова, Цвиль, 2012: 64].
7. Если логика привлечения к субсидиарной ответственности базируется на выгоде конечного приобретателя, а не формальном приобретении активов, то очевидно, что в данном случае дети к конечным (реальным) выгодоприобретателям также не относятся.

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность 79,29%.

Рецензент: и.о. зав. сектором предпринимательского и корпоративного права ИГП РАН, г.н.с., д.ю.н., профессор С.С. Занковский

Список литературы:

1. Абрамов С.И. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства: вопросы теории и практики // Вестник арбитражной практики. 2020. N 1. С. 81 – 90;
2. Батрова Т.А. Мнимые сделки как средство вывода активов // Гражданское право. 2019. N 5. С. 3-5.
3. Бежецкий А.Ю. Недействительность мнимых и притворных сделок: проблемы теории и практики: дисс. ... канд.юрид.наук. М., 2013. 208 с.;
4. Белозерцев С. М. Деликтоспособность несовершеннолетнего лица // Социально-политические науки. 2018. N 5. С. 184-187.
5. Букшина С.В. Предварительное разрешение органа опеки и попечительства на распоряжение имуществом несовершеннолетнего // Известия Алтайского государственного университета. 2011. N 2. С. 82-85.
6. Быканов Д.Е. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве: Дис. ... канд.юрид.наук. М., 2018. С. 18-21.
7. Захарова О.Е. «Обход закона», мнимые и притворные сделки: взаимосвязь и отличительные особенности // Вестник экономики, права и социологии. 2017. N 4. С. 163-166.
8. Карапетов А.Г., Матвиенко С.В., Мороз А.И., Сафонова М.В., Фетисова Е.М. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за декабрь 2019 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 2. С. 45 – 58.
9. Ломова Е.С., Цвиль В.С. Правовое лицемерие в контексте презумпции добросовестности родителей и прав детей на жилище // Юридическая мысль. 2012. № 3 (71). С. 60-64.
10. Морхат П.М. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве как самостоятельная (основная) ответственность контролирующего должника лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. N 4. С. 68 – 79.
11. Невзгодина Е. Л. Юридические последствия превышения пределов, установленных для осуществления полномочия представителя по гражданскому праву России // Вестник Омского университета. Серия «Право». № 1. 2010. С. 60-67.
12. Сапрыкин К.Н. Пределы представительства прав и интересов ребенка // Вестник экономической безопасности, № 2, 2014. С. 28-31;
13. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Сделки в обход закона vs притворные и мнимые сделки: отдельные вопросы квалификации // Арбитражные споры. 2015. № 2 (70). С. 132-140.
14. Тай Ю.В., Будылин С.Л. Сын за отца отвечает. Субсидиарная ответственность членов семьи директора в банкротстве компании // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 6. С. 4-22. [Электронный ресурс] https://zakon.ru/blog/2020/06/16/syn_zh_otca_otvechaet%2%A0_subsidiarnaya_otvetstvennost_chlenov_semi_direktora_v_bankrotstve_kompanii#_ftnref6 (дата обращения 30.10.2020)
15. Тарасова А.Е. Правосубъектность граждан: особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правонарушениях -М.: Волтерс Клувер, 2008. – 303 с.;
16. Толмачёва А. А. Вопросы законного представительства несовершеннолетних: теоретико-правовое исследование // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. N 3(15). С. 125-131.
17. Цвиль В.С. Презумпция добросовестности родителей в системе гарантий конституционных прав детей // Право и государство: теория и практика. 2010. N 11 (71). С. 32-37.

Reference list:

1. Abramov S.I. Subsidiary liability for bringing to bankruptcy: theory and practice // Bulletin of arbitration practice. 2020. N 1.P. 81 – 90.
2. Batrova T.A. Fictitious transactions as a means of withdrawing assets // Civil Law. 2019. N 5. P. 3-5.
3. Bezhetskiy A.Yu. Invalidity of fictitious transactions: problems of theory and practice: dissertation ... candidate of legal sciences. M., 2013. 208 p.
4. Belozertsev S. M. The susceptibility of a minor // Socio-political sciences. N 5. 2018. P. 184-187.
5. Bukshina S.V. Preliminary permission of the guardianship and trusteeship body for the disposal of the property of a minor // News of the Altai State University. 2011. N 2. P. 82-85.
6. Bykanov D.Ye. «Penetrating responsibility» in foreign and Russian corporate law: Dis. ... Candidate of Legal Sciences – M., 2018. P. 18-21.
7. Zakharova O.E. «Evasion of law», fictitious transactions: the relationship and distinctive features // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2017. N 4. P. 163-166.
8. Karapetov A.G., Matvienko S.V., Moroz A.I., Safonova M.V., Fetisova E.M. Review of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on private law for December 2019 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. N 2. P. 45 – 58.
9. Lomova E.S., Tsvil V.S. Legal hypocrisy in the context of the presumption of conscientiousness of parents and children's rights to housing // Legal Thought. 2012. N 3 (71). P. 60-64.
10. Morhat P.M. Subsidiary liability in bankruptcy cases as an independent responsibility of the controlling debtor for violating the obligation to act in good faith and reasonably towards the controlled entity's creditors // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2019. N 4.P. 68 – 79.
11. Nevzgodina E.L. Legal consequences of exceeding the limits established for exercising the powers of a representative in civil law of Russia // Bulletin of Omsk University. Series «Law». 2010. N. 1. P. 60-67.
12. Saprykin K.N. The limits of representation of the rights and interests of the child // Bulletin of economic security. 2014. N 2. P. 28-31.
13. Sergeev A.P., Tereshchenko T.A. Transactions bypassing the law vs sham and imaginary transactions: certain issues of qualification // Arbitration disputes. 2015. N 2 (70). P. 132-140.
14. Tai Yu.V., Budylin S.L. The son is responsible for the father. Subsidiary liability of the director's family members in bankruptcy of the company // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. N 6. P. 4-22. [Electronic resource] https://zakon.ru/blog/2020/06/16/syn_zh_otca_otvechaet%2%A0_subsidiarnaya_otvetstvennost_chlenov_semi_direktora_v_bankrotstve_kompanii#_ftnref6 (date of treatment 10/30/2020)
15. Tarasova A.E. Legal personality of citizens: peculiarities of legal personality of minors, their manifestation in civil offenses -M.: Walters Kluver, 2008. – 303 p.
16. Tolmacheva A.A. Issues of legal representation of minors: theoretical and legal research // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University, N 3 (15), 2010, pp. 125-131.
17. Tsvil V.S. Presumption of good faith of parents in the system of guarantees of the constitutional rights of children // Law and state: theory and practice. 2010. N 11 (71). P. 32-37.

Статья поступила в редакцию 04.02.2021, принята к публикации 26.02.2021
The article was received on 04.02.2021, accepted for publication 26.02.2021

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шапсугова Мариетта Дамировна, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, Москва, Российская Федерация, AuthorID: 661345, ResearcherID: A-6840-2015, <http://orcid.org/0000-0002-3741-0519>, e-mail: shapsugova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marietta D. Shapsugova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, AuthorID: 661345, ResearcherID: A-6840-2015, <http://orcid.org/0000-0002-3741-0519>, e-mail: shapsugova@gmail.com